ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ

СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

(Окончание.)

Начало на 3-й стр.)

лем и всегда на высоком эмоциональном тоне, чему немало способствовали творческое горение и яркий исполнительский темперамент, устремленные в полную силу от дирижерского пульта на сцену и воздвигавшие исполнителей.

Могучий исполнительский талант Н. Голованова, его неукротимый дух и неиссякаемая энергия, его горячая преданность театру, его многолетняя и плодотворная деятельность, блистательно завершенная тремя выдающимися работами, закрепившими за ним славу лучшего интерпретатора русской оперной классики (я имею в виду «Бориса Годунова», «Садко» и «Хованщину») по правунискали ему всенародное признание и заслуживают глубочайшего уважения.

Еще с одним драгоценным качеством в творческом облике Николая Семеновича, которому следовало бы подражать всем нам без исключения, мне хотелось в заключение упомянуть особое. Черта эта — постоянное и беззастенчивое презрение к равнодушию, к холодному ремесленничеству. Никогда, ни на одном своем спектакле Николай Семенович не позволял себе ни на минуту ослабить огромное внутреннее напряжение, которое, подобно электрическому току, держало всех участников на сцене и в оркестре на предельно высоком исполнительском тоне и придавало спектаклю атмосферу постоянной праздничности.

А. МЕЛИК-ПАШАЕВ.

* * *

У нас нередко говорят о некоем страхе, который внушал Н. С. Голованов работавшим с ним людям. Но страх страху рознь. Голованов никогда никого не «страшал», никогда не зажимал творческой инициативы, никогда не возвышал себя над коллективом. Голованов требовал, причем требовал от других так же, как требовал от себя. Он не мог себе представить, что если он сам проводил громадное количество часов в работе над партитурой или над оркестровыми партиями (что он делал почти всегда), то кто-то другой, играющий в оркестре, или поющий, или танцующий, не дал себе труда

всесторонне изучить свою партию до встречи с дирижером.

Н. С. Голованов умел быть одновременно двумя Головановыми — в работе и вне работы. Если только что, пять минут назад, Николай Семенович тихо и мирно беседовал с кем-то в коридоре, то, стоя за пультом, он полностью посвящал себя созданию произведения и требовал, как говорится, невзирая на лица. Именно поэтому он пользовался таким громадным авторитетом, который часто неправильно подменяют понятием страха.

Имел возможность часто бывать на репетициях Николая Семеновича, я мог наблюдать всю его рабочую «кухню». Что поражало в первую очередь? Напряженность, насыщенность репетиционного процесса. Голованов приходил задолго до начала, а за полчаса уже сидел за пультом, начинал репетировать и очень сердился, когда в оркестре кого-то не было на месте. Это не случайно. Репетиция, работа над новым сочинением — все это было его жизнью, жизнью большого художника, влюбленного в искусство: он спешил как можно раньше приступить к любимому делу, и ему, по-видимому, было непонятно, когда на вопрос «Почему вы спаздываете?», — некто отвечал: «Я не спаздываю, до явки на работу еще пятнадцать минут». Николай Семенович имел «особый глаз», способный сразу охватывать и оценивать интенсивность работы каждого артиста оркестра, и этот глаз не терпел равнодушных. Отсутствие равнодушия — это, пожалуй, самое характерное, что отличает головановское исполнение от любого другого.

Редкий способностью убеждать обладал этот всохновенный музыкант. Каждая его интерпретация — плод огромной и самостверженной работы — звучала в живом исполнении покоряюще убедительно, с предельной выразительной силой. Многочисленные записи достаточно ярко запечатлели художественный облик Николая Семеновича Голованова, самобытную, талантливую, исключительную по размаху эмоций, естественности и правдивости личность большого русского музыканта.

Г. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.